Ссылка для цитирования этой статьи:

Дациева Х.Г., Заирбекова С.А. Процессуальные гарантии прав личности при проведении следственных и оперативно-розыскных действий // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 4. С. 33. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_4/Datsieva.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-4a-33.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Дациева Хадижат Гасановна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Заирбекова Салихат Абдулгамидовна,
магистрант 2 курса очного отделения,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация;
независимый исследователь

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные гарантии прав личности при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в российском уголовном судопроизводстве. Раскрываются конституционные основания защиты личной свободы, неприкосновенности жилища, тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, права на защиту, презумпции невиновности и судебной защиты. Отдельное внимание уделяется судебному контролю, прокурорскому надзору, пределам ограничения прав, требованиям допустимости доказательств, порядку использования результатов оперативно-розыскной деятельности и проблемам фиксации цифровых данных. Обосновывается, что эффективность расследования не может оправдывать формальное отношение к гарантиям, поскольку законность вмешательства должна подтверждаться реальным соблюдением процессуальной формы, мотивированностью решений и возможностью последующей проверки действий должностных лиц на всех стадиях предварительного расследования и суда.

Ключевые слова: процессуальные гарантии, права личности, следственные действия, оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, судебный контроль, прокурорский надзор, допустимость доказательств, цифровые доказательства, право на защиту.

Введение

Процессуальные гарантии прав личности при проведении следственных и оперативно-розыскных действий образуют одну из наиболее чувствительных сфер российского уголовного судопроизводства. По своему назначению уголовный процесс должен не только обеспечивать раскрытие преступлений, но и защищать человека от незаконного обвинения, необоснованного ограничения прав и чрезмерного вмешательства государства в частную жизнь [2]. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия направлены на получение сведений о преступлении, установление причастных лиц и проверку доказательственной информации, однако именно в этой деятельности особенно высок риск принудительного воздействия. Обыск, выемка, задержание, контроль переговоров, получение сведений о соединениях, наблюдение или обследование помещений могут затрагивать личную свободу, неприкосновенность жилища, тайну общения, право на защиту и право не свидетельствовать против себя. Поэтому процессуальная гарантия в данной сфере не сводится к формальному указанию прав в протоколе или постановлении. Ее действительное значение состоит в том, чтобы ограничить возможный произвол органов расследования и оперативных подразделений, заставив должностное лицо действовать только при наличии законного основания, в установленной форме и под контролем независимых правовых механизмов.

Конституционная основа таких гарантий выстроена как система взаимосвязанных прав, каждое из которых приобретает практическое значение на досудебных стадиях уголовного процесса. Статья 22 Конституции РФ закрепляет право на свободу и личную неприкосновенность, что особенно важно при фактическом задержании, доставлении лица, проведении первоначальных опросов и решении вопроса о мере пресечения [1]. Статьи 23 и 25 Конституции РФ защищают частную жизнь, тайну переписки, телефонных переговоров и неприкосновенность жилища, поэтому доступ государства к переписке, сообщениям, жилому помещению или телефонным соединениям требует строгой правовой проверки [1]. Статья 24 Конституции РФ запрещает сбор, хранение, использование и распространение сведений о частной жизни без согласия лица, если иное не вытекает из закона и не оправдано публичной необходимостью [1]. Статьи 46 и 48 Конституции РФ усиливают эту защиту через право на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь, без которых участник процесса часто не способен полноценно оспорить действия следователя или оперативного сотрудника [1]. Статьи 49, 50 и 51 Конституции РФ дополняют общий конституционный режим презумпцией невиновности, запретом повторного осуждения и правом не свидетельствовать против себя, супруга и близких родственников, что имеет прямое значение при допросах, объяснениях и иных формах получения информации от лица [1].

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили положения Конституции РФ, УПК РФ, Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности, правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также научные публикации, посвященные допустимости доказательств, судебному контролю, использованию результатов ОРД и защите цифровой частной жизни. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и проблемно-аналитический методы. Формально-юридический метод позволил раскрыть содержание норм, регулирующих следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Системный подход дал возможность рассмотреть процессуальные гарантии не изолированно, а как совокупность судебного контроля, прокурорского надзора, права на защиту, правил допустимости доказательств и специальных процедур работы с цифровой информацией.

Результаты и обсуждение

В УПК РФ гарантии прав личности получают более детальное выражение через статус участников процесса, правила доказывания и порядок производства следственных действий. Подозреваемый и обвиняемый обладают правом знать существо подозрения или обвинения, давать показания либо отказаться от них, пользоваться помощью защитника, заявлять ходатайства, представлять доказательства и обжаловать решения должностных лиц [2]. Участие защитника по смыслу ст. 49–53 УПК РФ не является декоративным элементом, поскольку адвокат способен реагировать на давление, неточное отражение показаний, незаконный отказ в ходатайстве или попытку получить сведения в обход права на молчание [2]. Не менее важно правило о допустимости доказательств: согласно ст. 75 УПК РФ сведения, полученные с нарушением требований закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения [2]. Это правило делает процессуальную форму не простой технической оболочкой, а способом правовой проверки происхождения доказательства. Если следственное действие проведено без законного основания, без судебного решения в случаях, когда оно обязательно, без разъяснения прав или с существенным ограничением права на защиту, то полученный результат должен оцениваться не по его информационной полезности, а по соответствию закону.

Гарантийное значение процессуальной формы особенно заметно при проведении конкретных следственных действий. Допрос требует разъяснения прав, фиксации показаний в протоколе, запрета наводящих вопросов в предусмотренных законом случаях и обеспечения возможности пользоваться помощью защитника, если лицо находится в положении

подозреваемого или фактически подвергается уголовному преследованию [2]. Очная ставка допустима не как средство психологического давления, а как способ устранения существенных противоречий в ранее данных показаниях, поэтому ее проведение должно быть связано с реальной доказательственной необходимостью. Обыск и выемка затрагивают жилище, имущество, документы и личную информацию, в связи с чем особое значение имеют постановление следователя, судебное решение в случаях, предусмотренных УПК РФ, участие понятых либо техническая фиксация, а также право лица делать замечания к протоколу [2]. Осмотр, освидетельствование, предъявление для опознания и проверка показаний на месте также требуют соблюдения правил фиксации, поскольку любая неточность в описании условий, объектов или поведения участников способна повлиять на последующую оценку доказательства. При назначении экспертизы гарантия выражается в праве участников знакомиться с постановлением, заявлять отвод эксперту, ставить дополнительные вопросы и знакомиться с заключением [2]. Получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами по ст. 186.1 УПК РФ допускается на основании судебного решения, что прямо показывает: даже сведения о фактах коммуникации, а не только содержание переговоров, относятся к сфере конституционно значимой частной жизни [2].

Оперативно-розыскные мероприятия имеют иную правовую природу, чем следственные действия, поскольку они могут проводиться до возбуждения уголовного дела, нередко остаются негласными и направлены на выявление скрытой информации. Закон об оперативно-розыскной деятельности предусматривает такие мероприятия, как опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, наблюдение, обследование помещений, контроль почтовых отправлений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и оперативный эксперимент [3]. Их практическая ценность очевидна, особенно при раскрытии латентных, организованных, коррупционных и цифровых преступлений. Вместе с тем негласный характер ОРД создает повышенный риск для прав личности, поскольку проверяемое лицо часто не знает о вмешательстве и не может сразу воспользоваться средствами защиты. Поэтому законность ОРД должна пониматься не узко, как наличие служебного основания, а шире — как соблюдение цели, пределов, порядка санкционирования, правил документирования и последующей проверки полученных сведений [3]. Именно в этой части современная научная литература обращает внимание на необходимость единых критериев оценки результатов ОРД, поскольку разрозненное толкование закона порождает различия в следственной и судебной практике [10, с. 352–359].

Судебное разрешение на оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права, выступает важным средством против необоснованного вторжения в частную сферу. Закон об ОРД связывает судебный порядок с мероприятиями, затрагивающими тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также неприкосновенность жилища [3]. Это относится, в частности, к прослушиванию телефонных переговоров, контролю почтовых отправлений, снятию информации с технических каналов связи и обследованию жилища при наличии признаков ограничения конституционного права. Однако сама по себе санкция суда не должна превращаться в формальный документ, автоматически легализующий любое вмешательство. Суду необходимо проверять, какие конкретные сведения послужили основанием для ходатайства, почему мероприятие связано с предполагаемым преступлением и можно ли достичь цели менее ограничительными средствами. При проверочной закупке и оперативном эксперименте дополнительное значение имеет запрет провокации: деятельность правоохранительных органов не должна создавать преступный умысел у лица, которое не намеревалось совершать преступление без внешнего воздействия [7].

Судебный контроль в уголовном процессе имеет двойное значение: он заранее разрешает отдельные действия и впоследствии проверяет законность решений и поведения должностных лиц. Статья 165 УПК РФ регулирует судебный порядок получения разрешения на следственные действия, связанные с ограничением конституционных прав, включая обыск в жилище, выемку документов, содержащих охраняемую законом тайну, контроль и запись переговоров, а также получение информации о соединениях [2]. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 1 июня 2017 г. № 19 прямо связал такую процедуру с защитой неприкосновенности жилища, частной жизни, личной и семейной тайны, тайны сообщений и иных конституционных ценностей [4]. Поэтому суд не должен ограничиваться проверкой подписи следователя, ссылки на статью УПК РФ и формального согласования ходатайства. Содержательный судебный контроль предполагает оценку фактической основы ходатайства, соразмерности вмешательства, связи действия с расследуемым событием и невозможности заменить его менее жесткой мерой. В современной литературе справедливо подчеркивается, что досудебный судебный контроль сохраняет защитное значение только тогда, когда судья реально исследует представленные материалы, а не подтверждает заранее подготовленную позицию стороны обвинения [9, с. 59–63].

Прокурорский надзор и ведомственный контроль дополняют судебную защиту, но не совпадают с ней по правовой природе. Прокурор проверяет законность приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, соблюдение прав участников процесса, законность

решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, а также реагирует на жалобы граждан в порядке ст. 124 УПК РФ [2]. В сфере ОРД прокурорский надзор имеет особое значение, поскольку часть мероприятий проводится негласно, а значит, обычные формы общественного и процессуального контроля здесь ограничены. Ведомственный контроль обеспечивает внутреннюю дисциплину следственных и оперативных подразделений, проверку обоснованности поручений, полноту оформления материалов и соблюдение служебных процедур. Его слабость проявляется тогда, когда проверка сводится к подтверждению правомерности действий подчиненного сотрудника без самостоятельной оценки того, были ли затронуты права личности и имелись ли законные основания для вмешательства. Судебное обжалование по ст. 125 УПК РФ сохраняет значение внешнего средства защиты, поскольку позволяет оспорить действия и решения, способные причинить ущерб конституционным правам либо затруднить доступ к правосудию [5].

Заключение

Судебная практика Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ постепенно формирует подход, при котором законность вмешательства оценивается не только по наличию постановления, протокола или санкции, но и по реальному соблюдению прав личности. Для судов важно проверять, имелась ли фактическая необходимость ограничения права, были ли действия должностных лиц добросовестными, получил ли участник возможность оспорить материалы и не подменялись ли следственные действия оперативно-розыскными мероприятиями. Такой подход особенно значим по делам, где доказательственная основа строится на негласных мероприятиях, цифровых данных, результатах прослушивания переговоров или проверочной закупки. Совершенствование гарантий в этой сфере должно идти не по пути усложнения процедуры ради самой процедуры, а через повышение содержательности судебного контроля, расширение реального доступа к адвокату, уточнение правил работы с электронными данными и усиление проверки результатов ОРД до их использования в доказывании. Процессуальные гарантии прав личности при проведении следственных и оперативно-розыскных действий следует рассматривать как единую систему, включающую судебное разрешение и судебное обжалование, прокурорский надзор, ведомственный контроль, право на защиту, строгую процессуальную форму, правила допустимости доказательств и защиту цифровой частной жизни. Только при таком понимании расследование преступлений сохраняет правовую легитимность, а борьба с преступностью не превращается в оправдание чрезмерного вмешательства государства в сферу индивидуальной свободы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС КонсультантПлюс.
3. Российская Федерация. Законы. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС КонсультантПлюс.
4. Верховный Суд Российской Федерации. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // СПС КонсультантПлюс.
5. Верховный Суд Российской Федерации. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 09.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.
6. Верховный Суд Российской Федерации. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 (ред. от 09.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.
7. Конституционный Суд Российской Федерации. Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1076-О // СПС КонсультантПлюс.
8. Конституционный Суд Российской Федерации. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 2018-О // СПС КонсультантПлюс.
9. Карягина О.В. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы и пути их решения / О.В. Карягина, А.А. Шевченко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2024. № 1 (41). С. 59–63.
10. Туров С.Ю. Допустимость использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / С.Ю. Туров // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2024. Т. 34, № 2. С. 352–359.
11. Карташов И.И. Нарушения материальных и процессуальных норм закона в процессе представления результатов оперативно-розыскной деятельности / И.И. Карташов, П.В. Миненко // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 230–235.

12. Курилкина О.А. Проблемы оценки результатов оперативно-розыскной деятельности с точки зрения допустимости в уголовном процессе / О.А. Курилкина, С.И. Пономаренко, Ю.В. Тревгода // Аграрное и земельное право. 2023. № 7 (223). С. 115–117.

13. Яковлева Н.Г. Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Н.Г. Яковлева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4. С. 117–126.

14. Балашова А.А. Особенности изъятия электронных носителей информации / А.А. Балашова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 3. С. 68–71.

15. Фантров П.П. Совершенствование стадии возбуждения уголовного дела / П.П. Фантров // Legal Concept = Правовая парадигма. 2024. Т. 23, № 4. С. 178–186.

PROCEDURAL GUARANTEES OF INDIVIDUAL RIGHTS DURING INVESTIGATIVE AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIONS

Datsieva Khadizhat Hasanovna
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation
Zairbekova Salikhat Abdulgamidovna
2nd-year full-time Master's student,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation;
independent researcher

Annotation. The article examines the procedural guarantees of individual rights. The article examines the procedural guarantees of individual rights during investigative actions and operational search measures in Russian criminal proceedings. The constitutional grounds for the protection of personal freedom, the inviolability of the home, the secrecy of correspondence, telephone conversations and other communications, the right to defense, the presumption of innocence and judicial protection are revealed. Special attention is paid to judicial control, prosecutorial supervision, the limits of restriction of rights, the requirements for the admissibility of evidence, the procedure for using the results of operational investigative activities and the problems of digital data fixation. It is argued that the effectiveness of the investigation cannot justify a formal attitude to guarantees, since the legality of the intervention must be confirmed by actual compliance with the procedural form, reasonableness of decisions and the possibility of subsequent verification of the actions of officials at all stages of the preliminary investigation and trial.

Keywords: procedural guarantees, individual rights, investigative actions, operational-search activity, criminal procedure, judicial control, prosecutorial supervision, admissibility of evidence, digital evidence, right to defense.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information.
2. Russian Federation. Laws. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on April 9, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System.
3. Russian Federation. Laws. On Operational-Search Activity: Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 (as amended on April 1, 2025) // ConsultantPlus Legal Reference System.
4. Supreme Court of the Russian Federation. On the Practice of Courts Considering Motions for Investigative Actions Involving the Restriction of Citizens' Constitutional Rights (Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 1, 2017 // ConsultantPlus Legal Reference System.
5. Supreme Court of the Russian Federation. On the Practice of Courts Considering Complaints under Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of February 10, 2009 (as amended on December 9, 2025) // ConsultantPlus Legal Reference System.
6. Supreme Court of the Russian Federation. On the Court Judgment: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2016, No. 55 (as amended on December 9, 2025) // ConsultantPlus Legal Reference System.
7. Constitutional Court of the Russian Federation. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 30, 2023, No. 1076-O // ConsultantPlus Legal Reference System.
8. Constitutional Court of the Russian Federation. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 18, 2024, No. 2018-O // ConsultantPlus Legal Reference System.
9. Karyagina O.V. Judicial Control in the Pre-trial Stages of Criminal Proceedings: Problems and Solutions / O.V. Karyagina, A.A. Shevchenko // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2024. No. 1 (41). pp. 59–63.
10. Turov S.Yu. Admissibility of Using the Results of Operational-Search Activities in Criminal Legal Proceedings / S.Yu. Turov // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2024. Vol. 34, No. 2. pp. 352–359.
11. Kartashov I.I. Violations of Substantive and Procedural Legal Norms During the Submission of Results from Operational-Search Activities / I.I. Kartashov, P.V. Minenko // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. pp. 230–235.
12. Kurilkina O.A. Issues in Evaluating the Results of Operational-Search Activities from the Perspective of Admissibility in Criminal Proceedings / O.A. Kurilkina, S.I. Ponomarenko, Yu.V. Trevgoda // Agrarian and Land Law. 2023. No. 7 (223). pp. 115–117.
13. Yakovleva N.G. The Use of Digital Evidence in Criminal Proceedings of the Russian Federation / N.G. Yakovleva // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2024. No. 4. pp. 117–126.
14. Balashova A.A. Specifics of Seizing Electronic Data Storage Media / A.A. Balashova // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3. pp. 68–71.
15. Fantrov P.P. Improving the Stage of Initiating a Criminal Case / P.P. Fantrov // Legal Concept. 2024. Vol. 23, No. 4. pp. 178–186.